

**Георгий
ЧЕРНОБРОВКИН**

г. Олонец,
Республика Карелия

*«Цветы росли
и пили из земли...»*

* * *

Я вышел в сад, и тень моя за мной
скользнула в ночь к восторженным цикадам.
Окно светилось за моей спиной,
и яблоня вздыхала тихо рядом.

Был виноград тяжёл от полноты
до янтаря и был напитан летом.
Ко мне всплывал китом из темноты
могучий август, и тянулись следом

все запахи, что были до меня
не собраны в единое когда-то.
Окно горело отблесками дня,
бросая свет на сад запанибрата.

Цветы росли и пили из земли.
Паук тянул затейливые нити.
И тишина, разлитая вдали,
свой звёздный разворачивала свиток.

Чуть пел ракушник, измеряя шаг:
то тень моя ступала осторожно,

Георгий Иванович ЧЕРНОБРОВКИН –

поэт, переводчик,

член Союза писателей России с 2008 г.

*Президент Библиотечной ассоциации
Республики Карелия.*

*Директор Муниципального казенного учреждения
«Олонецкая централизованная библиотечная система».*

*Призер Международного литературного конкурса
«1-й открытый Чемпионат Балтии
по русской поэзии-2012».*

Удостоен звания

«Человек года Республики Карелия» (2008).

скользя из полумрака в полумрак,
спеша во тьму, как нож ныряет в ножны.

Я шёл на звук. Я плыл ему навстречу.
И тень моя качалась, шагу вторя.
И бормотаньем мне казалась речь
распахнутого для объятий моря.

И я, и тень — мы подошли к волне.
Сад за спиной светился вполнакала.
Как женщина на влажной простыне,
лежала жизнь и смерть в себя влагала.

И мы вошли в шипящую волну,
оставив всё, и ночь впряла за нами,
размазывая по веретену
молочные созвездия витками.

И горизонта ширился порез,
где жизнь и смерть сливались воедино.
А за спиной цикад звучал оркестр
и чуть дрожала в каплях паутина.

ВОСЬМИСТИШИЯ

Плывёт реки протяжный вздох,
и воздух прятан от духа сосен.
А год до жути високосен
и застаёт друзей врасплох.
И, словно маятник, стуча,
год между нами чертит прочерк:
смерть вырабатывает почерк
читабельней, чем у врача.

Вода баюкает волною
пустое небо и тростник.
И леса дрогнувший двойник
обрыв свой тянет за собою.
Качается остывший шар
звезды на опалённых дюнах,
и на сосновых бьются струнах
огни, как низовой пожар.

Сухой тростник. И стороною —
тропа на опустелый пляж.
Ложится ранней сединою
туман на утренний пейзаж.
И тихо так, что вёсла гулко
роняют капли и река,
как музыкальная шкатулка,
звучит от лёгкого гребка.

Зарницы вскинулся всполох,
и ветер обжигает ивы.
Здесь скоро будут дни дождливы
и осень будет царь и бог.
Рука касается сосны,
и вздрагивает лес в ознобе,
как будто он уже в сугробе
и в снежные впадает сны.

Скажи, за что был этот день
с его спокойствием и негой,
и неба облачная лень
над васильковою Онегой?

Чуть слышный отзвук комара,
как точка в совершенстве лета,
где комариная игра
озёрным выдохом согрета.

Все эти отзвуки и тени,
весь этот горный/дольный мир,
соперниками на арене
вдруг замерли, прервав турнир:
дрожа, сминая надпространство,
качнулись ножницы в руке
и Парок нежное тиранство,
как перхоть — на воротнике.

Кот, утонувший в праздной лени,
качается на волнах сна.
Что знают о кошачьем дзене
людские эти племена?
Зеленоглазый бог полёвок,
в глубокий погружаясь сон,
сминает лапой изголовок,
как небо парусом Ясон.

В окне вздохнувшая сирень
качнулась и легла на раму.
Как будто бы закрыла рану
фиалковая полутьма.
Уходит день за поворот
реки и тянет в сетке солнце,
и свет вечерний бьёт в оконце,
и звёзды встали у ворот.

Плывёт реки протяжный вздох,
вода баюкает волною
сухой тростник и стороною
зарницы вскинулся всполох.
Скажи, за что был этот день?
Все эти отзвуки и тени,
кот, утонувший в праздной лени,
в окне вздохнувшая сирень?